

Выводы по дискурс-анализу, соотношению дискурса о многополярном мире и внешнеполитических шагах, отношениям с Россией

1) Аргентина. Идея многополярного мира во время второго этапа реализации проекта сохранила присутствие во внешнеполитической повестке левореформистских сил Аргентины. Осталась актуальной ее репрезентация современными перонистами в рамках доктрины «третьего пути», а также увязка с деидеологизацией дипломатии и прагматичным развитием отношений с ведущими мировыми державами. В то же время с проведением такого курса перонисты соотносят получение конкретных материальных выигрышей для страны. Например, развитие связей с Китаем объясняется необходимостью поиска рынков сбыта аргентинской сельскохозяйственной продукции. В свою очередь, экс-посол южноамериканской страны в Москве Эдуардо Зуаин отмечал, что без прагматичного курса Аргентина бы не получила российские вакцины от COVID-19.

С приходом к власти Хавьера Милея аргентинская политика, в целом, перестала быть ориентированной на достижение многополярной конфигурации. Во внешнеполитическом лексиконе либертарианского президента категория “многополярный мир” по состоянию на май 2025 г. не представлена. При обращении к мировым делам в риторике нынешнего аргентинского руководства сохраняется деление мира на “свободный” и “авторитарный”, отождествление Аргентины с западной цивилизацией и ориентация на сотрудничество с представляющими ее государствами. В отношениях с латиноамериканскими державами администрация Милея инертна, она уделяет мало внимания региональным интеграционным объединениям и поддерживает связи в основном с идеологически близкими правительствами региона (например, Сантьяго Пеньи в Парагвае).

Американоориентированный курс аргентинского руководства регулярно становится предметом критики со стороны перонистской оппозиции, которая называет ее “противоположной и анахроничной” по отношению к мировым трендам, подрывающей “латиноамериканскую солидарность” и уводящей Аргентину прочь от внешнеполитической автономии.

Тем не менее, после избрания в США Д. Трампа и поворота Белого дома к более реалистскому восприятию глобальной сцены как пространства конкуренции великих держав, риторика и действия аргентинского руководства, идущего в фарватере администрации Д. Трампа, также начинают меняться. Так, в 2025 г. Буэнос-Айрес впервые за 3 года воздержался от голосования за антироссийскую резолюцию, составленную ЕС и

Украиной. В свою очередь, сам Х.Милей в большом интервью чилийскому радио «Neura» в апреле 2025 г. признал несостоятельность международного порядка, сложившегося после Второй мировой войны и отметил, что в ближайшие годы в мире будут лидировать три державы – США, Россия и КНР. Эти комментарии были сделаны в неофициальной обстановке, но являются частью одного из первых обстоятельных выступлений по поводу внешнеполитических ориентиров у Милей, что позволяет ожидать их конкретизации в дальнейшем.

Что касается взаимодействия с Россией, то при Милее его политическая составляющая минимальна. Обращают на себя внимание такие недружественные российской стороне жесты Аргентины, как участие в саммите по Украине в Бюргенштоке в 2024 г., заявка на статус глобального партнера НАТО, отказ от вступления в БРИКС по идеологическим мотивам (Милей заявлял, что не хочет «быть с коммунистами и авторитарными режимами»). На этом фоне деловые связи с Россией сохраняются в рамках прагматичного курса Аргентины и стратегических для ее экономики вопросов (например, приобретение российских минеральных удобрений).

2) Бразилия. В рассмотренный период внешнеполитические высказывания руководства Бразилии подчеркивают секьюритизацию многополярного мира как сосуществующего с угрозами нового блокового противостояния, растущей бедности, возможных новых эпидемий и загрязнения окружающей среды. На этом фоне, во-первых, протагонистом «многополярной» риторики в Бразилии становится Глобальный Юг, который должен повысить свою устойчивость в турбулентной системе международных отношений. Весьма показательным в этой связи высказывался президент Лула да Силва на форуме СМИ и аналитических центров стран Глобального Юга в ноябре 2024 года: «Глобальный Юг — это концепция, отражающая важность развивающихся стран. Мы являемся центральными игроками в новой глобальной геополитике и готовы играть роль, соответствующую ее политическому, экономическому и демографическому подходу». Во-вторых, меняется риторика на векторе США. Если в каденцию Джо Байдена Бразилия призывала к партнерским отношениям с Вашингтоном как одним из центров глобального управления, то сейчас Соединенные Штаты критикуются за дестабилизацию мирового порядка, жесткую тарифную политику. На фоне «торговой войны» США и Китая Лула да Силва активизировал призывы к укреплению формата БРИКС. Прежде всего, через создание собственной платёжной системы, рост координации финансовых структур стран-участниц, что заявлено приоритетом председательства Бразилии в клубе в 2025 году. Советник президента, один из ключевых «идеологов» бразильской трактовки многополярности Селсу Аморим отмечает «основополагающее значение БРИКС» для формирования порядка, где

«будет несколько полюсов принятия решений». С подачи С.Аморима Бразилия наращивает внимание и к геополитическому значению БРИКС и его роли в получении Бразилией «стратегической автономии». В то же время Бразилия при Луле да Силве сохраняет многовекторный курс и активное взаимодействие со многими западными державами, в частности, приветствуя достигнутое в декабре 2024 г. соглашение об ассоциации между ЕС и Меркосур. На этом фоне, как и ранее, для бразильской стороны принципиально не отождествлять БРИКС с «антизападным объединением». Отсюда следует скепсис Бразилии по поводу расширения клуба, в том числе, за счет латиноамериканских стран, и явное препятствование интеграции Венесуэлы, несмотря на поддержку Россией этой опции. Обращает на себя внимание повестка Бразилии в G20 и ООН, где страна выступает за минимизацию привилегий отдельных держав и реформы глобального управления в интересах развивающегося мира. Российский вектор внешней политики Бразилии отражает, в целом, партнерское взаимодействие с нашей страной, но с непременными акцентами на идентичности Бразилии как глобальной державы с самостоятельным курсом. Так, Лула да Силва, наряду с М.Диасом Канелем и Н.Мадуро, вошел в число лидеров, принявших приглашение России присутствовать на параде Победы в Москве в 2025 г., что само по себе стало резонансным жестом. Бразилия также критикует односторонние санкции и демонизацию России Западом, отрицает возможность передачи оружия союзникам Киева в Европе. С другой стороны, Бразилия стремится проявлять себя как активный миротворец со стороны «нейтралов», что подтверждает ее проактивность в группе «Друзей мира» на Украине в ООН, между прочим, игнорирующей многие российские интересы в конфликте.

3) Боливия. В 2024-2025 гг. в Боливии усилилась поляризация между P-MAS и правой оппозицией, которая смогла объединиться в преддверии выборов-2025 (коалиция «Фронт национального единства»). Поляризация затронула вопрос о выживании существующей модели государства, включая и внешнеполитическую парадигму, в основе которой, как мы показывали ранее, было положительное отношение к концепции многополярного мира. Для лидеров оппозиции, таких как Хорхе Кирога, Самуэль Дориа Медина, вообще не характерно описание мировой политики в категориях полярности, но они выстраивают альтернативную правоглобалистскую модель позиционирования своей страны на глобальной сцене, в основе которой - налаживание связей с Западом и Бреттон-Вудскими финансовыми институтами, многовекторный либеральный внешнеэкономический курс, акцентирование внимания на демократии и правах человека. В риторике оппозиции этот вариант преподносится как возвращение Боливии к «норме», «истокам и конституционным традициям» во внешней политике после «разрушительного эксперимента P-MAS». На этом фоне взаимосвязь между семантическим кодом «многополярного мира» и

внешнеполитическими реалиями оказывается в Боливии двойственной. С одной стороны, каденции Р-MAS связали наступление многополярного мира с лучшими условиями для суверенного экономического развития, приоритизацией латиноамериканского регионализма и Глобального Юга, партнерств с Китаем и Россией, особым акцентом на БРИКС, чьим партнером Боливия стала с января 2025 г. С другой стороны, у правых этот расклад не востребован, и они небезосновательно эксплуатируют в своей предвыборной агитации реальное отсутствие у Боливии достаточной национальной производственной базы и финансовых ресурсов для того, чтобы позиционировать себя в парадигме суверенного развития (как «газовая», «литиевая держава», как говорили Эво Моралес и Луис Арсе). Приоритетами для правых является поиск Боливией партнеров среди наиболее мощных экономик мира и самопредставление в роли «нормальной демократической страны». Поляризация в Боливии серьезно затрагивает вектор отношений с Россией. Если для Р-MAS Россия, в силу ее установок на более эгалитарный мировой порядок, глобальную расконцентрацию экономической мощи, является приоритетным партнером, то для оппозиции - напротив. Партнерство с Москвой для них видится невыгодным (С.Дория Медина замечал, что Россия в клубе БРИКС - «лишняя»), политизированным, волюнтаристским жестом левых. Правые считают, что нейтралитет правительства Арсе в украинском кризисе - это символ приверженности Боливии лагерю авторитарных стран. Пристально следя за визитами команды Арсе в Россию, голосованием официального Ла-Паса в ООН по украинскому сюжету, они заявляют, что сближение с Россией якобы предает ценности внешней политики Боливии, такие как пацифизм и антиимпериализм. В условиях нынешнего тяжелого экономического кризиса в Боливии на следующих выборах могут победить правые. Если они придут к власти, и установки на построение многополярного мира, и партнерство с Россией подвергнутся глубокой ревизии.

4) Венесуэла. В венесуэльском случае дискурс о многополярном мире сохранил выявленные ранее акценты. Для Каракаса под руководством Н.Мадуро многополярность составляет не только контекст, к которому страна должна адаптироваться, но и стратегию, задающую рамки конфронтации и сотрудничества, особенно в отношениях с крупными державами, оспаривающими либеральный миропорядок и гегемонистские амбиции Вашингтона.

С Россией, которая воспринимается боливарианцами в качестве исторического противовеса Соединенным Штатам и ключевого актора зарождающейся многополярности, выстраивается многоплановое сотрудничество, в основе которого находится ряд опор: военно-технические связи, солидарность в преодолении внешнего давления и стремление выйти за рамки либерального порядка. Кроме того, Венесуэла стала одним из немногих

государств региона, открыто поддерживавших российскую специальную военную операцию на Украине. Руководство страны увязывает СВО и расширение блока НАТО со своим собственным противостоянием санкциям и давлению со стороны Вашингтона и европейских государств. Украинский кризис лишь подстегнул апеллирование к многополярности и создал для этого новый событийный фон в двусторонней повестке взаимодействия государств.

О восприятии России как одного из протагонистов многополярного мира свидетельствует активное обсуждение становления многополярности на переговорах российских и венесуэльских представителей, в том числе, в БРИКС. Каракас рассматривает это объединение как "контргегемонистский полюс силы", и, хотя его запрос о присоединении к БРИКС в ходе председательства России в 2024 г. не был удовлетворен, присутствие Мадуро на саммите в Казани соотносилось с планами formalизовать стратегическое партнерство между Венесуэлой и РФ в 2025 г.

В целом, концепция многополярного мира однозначно является одной из ключевых идейных составляющих стратегического партнерства Венесуэлы и РФ.

5) Куба. Помимо того, что Куба является одним из самых ярких латиноамериканских энтузиастов многополярности, она артикулирует собственную оригинальную концепцию «солидарной многополярности». Данная концепция делает акцент не на геополитическом, а на экономическом и нормативном, моральном, компонентах многополярности, предполагает множественность центров силы, которые должны сотрудничать ради преодоления глобальных проблем и сокращения разрыва между богатым Севером и обездоленным Югом. Отличительной особенностью здесь является отсутствие антизападного компонента. Можно сказать, что данная концепция служит отражением общего курса Кубы на международной сцене. Так, Куба со времен Кастро ориентируется на ценности антиимпериализма, социалистического интернационализма, что предполагает уделять особое внимание вопросам мирового развития (в ООН, G77, где она председательствовала в 2023 г.), гуманитарному сотрудничеству (экспорт и безвозмездное предоставление медицинских и образовательных услуг зарубежным странам), критиковать диктат США, делать акцент на региональной интеграции и партнерствах с широким кругом развивающихся стран. При этом Гавана публично не отказывается от планов нормализовать взаимодействие с Вашингтоном и сохраняет каналы сотрудничества с европейскими игроками, Японией. В то же время идеи «солидарной многополярности» влияют на восприятие российского вектора. Россия, в силу ее преемственности СССР, готовности участвовать в экономическом оздоровлении Кубы в роли одного из ключевых спонсоров «Плана национального развития», ориентированности на гуманитарные акции в поддержку

мирового Юга (например, в условиях пандемии Covid-19 и дефицита вакцин), преподносится как значимый партнер и союзник Кубы. Политики Острова Свободы проводят параллели между «экономической войной» США против Кубы и войной на Украине, которую России навязали евроатлантические государства, НАТО. Как и Венесуэла, Куба активно вовлечена в работу Группы друзей в защиту Устава ООН, которая может быть названа основным неформальным клубом в универсальной организации, отстаивающим идею многополярного мира как противовес присущим западным игрокам практикам избирательного толкования международного права, либерального интервенционизма и санкционной политики. Но вместе с тем, четкая поддержка российского курса и особенно СВО артикулируется Гаваной на двустороннем уровне, а на площадках глобального управления Куба предпочитает нейтралитет, дистанцируясь от силовых подходов к конфликтам. Что касается отношений с ЕАЭС (Куба является наблюдателем с 2021 г.) и БРИКС (с 2025 г. - партнер объединения), то они маркируются как «зерна солидарной многополярности» (выражение одного из ключевых ученых CIPRI Марио Антонио Падильи Торреса) и не воспринимаются кубинской стороной как «продолжение России». Эти институты играют самоценную роль как альтернативные дипломатические платформы для преодоления изоляции (здесь обращает на себя внимание, например, стремление Кубы «выступить мостом между Латинской Америкой и ЕАЭС»), поиска полезных ресурсов.

б) Мексика. Смена власти в Мексике в октябре 2024 г. не привела к заметным изменениям в части концептуализации многополярности. Дискурс остается фрагментированным: на фоне ощутимого внимания к перестройке мирового порядка в терминах многополярности у экспертов, политическое руководство страны минимально задействует этот концепт. С точки зрения внешнеполитических последствий тоже видна преемственность между каденциями Андреса Мануэля Лопеса Обрадора и К.Шейнбаум. Оба лидера, столкнувшись с феноменом Трампа, должны были делать центром тяжести своего курса США. Шейнбаум чрезвычайно осторожна в отношении США, она стремится поддерживать с Белым домом уравновешенно-позитивный диалог, к чему ее побуждает нажим Вашингтона по миграционным, антинаркотическим, тарифным вопросам. На таком фоне новая президент не высказывается критически по поводу сложившейся иерархии силы в мире. Показательна и обстановка на латиноамериканском направлении. Как и АМЛО, Шейнбаум подчеркивает важность солидарности с регионом, но непременно говорит и о «связях с Севером» (то есть, с США и Канадой), причем в риторике «Север» зачастую выносится на первое место. Так, на саммите СЕЛАК апреля 2025 г. Шейнбаум указала, что «та интеграция, которую Мексика поддерживает с США, должна распространяться на Латинскую Америку». Звучат

и предложения «подключить» к соглашению ЮСМКА Центральную и Южную Америку. В целом, это повторяет риторику АМЛО, в которой Мексике отводится роль «координатора» ЛКА во взаимодействии с США и Канадой, а латиноамериканский паннационализм, который был бы комплементарен многополярности, нивелируется. При К.Шейнбаум, продолжающей курс «Четвертой трансформации», идея участия Мексики в многополярной картине по-прежнему увязывается с ускорением технологического развития, социально-экономическими улучшениями. Цели «Плана Мексики», как называется государственная стратегия правительства Шейнбаум, предполагают сделать страну 10-ой крупнейшей экономикой мира, а также повышать производственный и научный суверенитет, чтобы «не зависеть от великих держав». Позиционирование Мексики в G20, МІКТА, ООН на нынешнем этапе отражает амплуа Мексики как средней державы. Что касается отношений с Россией, то при последних двух администрациях они были среднеинтенсивными и избегали инициатив, могущих скомпрометировать партнерство с США. Например, при АМЛО Мехико быстро дезавуировал слухи о заявке страны на членство в БРИКС, а при К.Шейнбаум министр иностранных Хуан Рамон де ла Фуэнте поспешил объяснить приглашение В.Путина на инаугурацию нового президента «дипломатическим протоколом». Хотя Шейнбаум, как и ее предшественник, официально держится нейтралитета в украинском конфликте, ее глава МИД Х.Р. де ла Фуэнте отличается критической позицией по поводу России и СВО. В целом, Шейнбаум производит впечатление, в отличие от АМЛО, системного лидера, не левого популиста, а умеренного социал-демократа. С учетом ряда факторов (личность президента, общие настроения в политическом истеблишменте Мексики, стремления Мехико консолидировать партнерство с США, также Канадой, Евросоюзом (зимой 2025 г. была завершена модернизация свободноторгового соглашения Мексика-ЕС), мы не ожидаем ни повышения позитивного внимания политических кругов страны к идее многополярности, ни роста отношений с Россией.

7) Уругвай. Несмотря на то, что Уругвай, в отличие от большинства стран выборки, никогда не был в числе ключевых контрагентов России в ЛКА, двусторонние отношения на протяжении XXI в. имели определенные тенденции роста (в гуманитарных, научно-образовательных связях, правоохранительном сотрудничестве, сельскохозяйственной торговле). В период консервативной администрации Луиса Лакалье Поу, которая находилась у власти до марта 2025 г., уругвайско-российское взаимодействие серьезно потеряло в динамизме. Это сопровождалось последовательной солидаризацией Монтевидео с западными союзниками Украины, публичной критикой СВО и поддержкой соответствующих резолюций в ОАГ и ООН. Параллельно, как мы отмечали в прошлом

году, Лакалье Поу скептически высказывался по поводу концепции многополярного мира, считая ее наносной и искусственно «подыгрывающей» Китаю и России. В настоящее время у власти находится коалиция «Широкий фронт», для которой характерно более позитивное восприятие идеала многополярного мира, но в ключе присущей политическим кругам Уругвая либеральной традиции, - через призму свободы рук в дипломатии и торговле, удаленности от геополитических конфликтов, ценности международной кооперации. На этом фоне, с одной стороны, уругвайская сторона подает сигналы о необходимости выравнивания отношений с Россией. Об этом свидетельствует, например, риторика нового министра иностранных дел Марио Лубеткина, который говорит об «оттепели» в уругвайско-российском взаимодействии. Вместе с тем, субстантивных изменений в двусторонних отношениях ожидать сложно. Во-первых, потому, что для команды президента Я.Орси по-прежнему актуально негативное маркирование России как «виновника конфликта» и «агрессивной» державы. В «Широком фронте» антироссийская позиция артикулируется не только отдельными личностями, но и преобладает в определенных партиях, например, «Рабочей партии» (Partido de los Trabajadores). Во-вторых, для «Широкого фронта», в целом, судя по высказываниям лидеров и программным документам, глобальный контур внешней политики не находится в приоритете. Многополярная фразеология реконтекстуализируется больше в связи с интеграционными процессами по соседству (укрепление и эволюция МЕРКОСУР, придание импульса СЕЛАК), ее доминирующими темами становится поддержка лидерства Бразилии (но в отличие от Лулы да Силвы, Я.Орси скептически смотрит на возможность урегулирования конфликта в Восточной Европе усилиями нейтральных государств), работа Уругвая в ООН, в перспективе в НБР БРИКС.

8) Чили. Чили осталось в ряду наименьших энтузиастов идеи продвижения многополярного мира. Как и в прошлом году, здесь просматривается актуализация дискурса в зависимости от адресата. Так, президент Г.Борич иногда апеллирует к концепции многополярности во время переговоров с КНР. Под «многополярным миропорядком» он подразумевает такую систему международных отношений, где нет «гегемонистских сил». Подчеркивается, что для Чили данный миропорядок связан с «нейтральностью», которая выражается в готовности к сотрудничеству и контактам с любой страной, вне зависимости от её формы правления и типа политического режима. Обострение торговых споров США и Китая, высокая заинтересованность Чили в Тихоокеанском регионе создает предпосылки для интенсификации внимания не только к КНР, но и государствам АСЕАН. Тем временем, невзирая на фразеологию нейтральности, Чили исключает Россию из многополярного видения. Это происходит в условиях

низкоинтенсивного взаимодействия с Россией, открыто критической позицией Сантьяго по поводу ее линии на Украине. А на векторе Евросоюза чилийское руководство задействует дискурс мультилатерализма (многосторонности) как поддерживающего «стратегическую автономию» страны.

Вообще на протяжении 2024-2025 гг. частота упоминания формулы «стратегическая автономия» значительно возросла. Интересно отметить, что она является поводом для критики курса Борича авторами концепции «нового (активного) неприсоединения», как слишком прозападного и проевропейского. Здесь заметно углубление еще одной тенденции прошлого года - взаимного дистанцирования геополитических воображений действующего политического руководства и академического сообщества. В то время как президент Чили делает акценты на нейтральности и многовекторности, оставляя свою страну в ценностной парадигме Запада, сторонники «нового неприсоединения» представляют многополярность как фрагментацию международной системы и её превращение в комплекс «экономических блоков», где «геоэкономика вытесняется геополитикой». Стратегией для Чили в данных условиях, с их точки зрения, должно быть активное участие в мировых экономических отношениях и поиск выгод из нарождающегося блокового противостояния с ракурса Глобального Юга, с которым Борич не ассоциирует страну. В 2024-2025 гг. концептуализаторы «нового неприсоединения» стали более активно призывать к приоритезации национальных интересов, считая примером для Чили бразильские подходы. Таким образом, дискурс о многополярности в Чили остается фрагментированным, как в прошлом году. Преобладание его носителей в достаточно узком экспертном кругу (К.Оминами, К.Фортин, Х.Эйне) говорит о небольшой релевантности идеи многополярного мира для политической элиты. С другой стороны, в интеллектуальном поле Чили укореняется определенная конкуренция международнополитических идентичностей и установок, но она не распространяется на противостоящие политико-идеологические фланги.

**Группы дискурсивных ситуаций: отношение к идее многополярного мира
и отношение к России**

А) «Позитивное отношение к многополярности как желаемой глобальной конфигурации И позитивный взгляд на Россию как один из важнейших центров силы и ключевого борца за многополярность» (за счет сопротивления гегемонии США и нажиму НАТО, поддержки БРИКС и других альтернативных институтов глобального управления, реформы мировой финансовой системы, солидаризации с развивающимися странами и т.д.). В основном такие оценки превалируют в дискурсивном поле Кубы, Венесуэлы, на проправительственном фланге Боливии. Также можно найти отдельных носителей дискурса в других странах - «не энтузиастах» многополярности. Например, ультралевый политический деятель Исмаэль Бланко в Уругвае, известный неомарксистский экономист Альфредо Халифе-Раме в Мексике.

Б) «Позитивное отношение к идее многополярного мира, НО без специфического приоритетного внимания к акторности России». В этом случае Россия вообще может не быть «топиком» дискурса о многополярности, либо референции к ней являются скорее нейтральными (просто констатирующими ее глобальное значение, но не содержащими оценки). В условиях 2020-х такой расклад объединяет большую разнородную группу представителей политических и интеллектуальных кругов изученных стран. К примеру: современные перонисты в Аргентине, многие бразильские лево- и правоцентристы, чилийское эпистемологическое сообщество сторонников «концепции нового (активного) неприсоединения», часть мексиканского правого мейнстрима (в Институционно-революционной партии), как и знаковые деятели левой коалиции «МОРЕНА» (та же К.Шейнбаум).

В) «Позитивное отношение к идее многополярного мира, НО критическое отношение к России как глобальному игроку». Сюда мы можем отнести, например, значительную часть правящих левых сил в Уругвае при Я.Орси, бывшего министра иностранных дел этой страны Омара Паганини, некоторых ведущих интеллектуалов (например, в Мексиканском совете по международным отношениям, COMEXI) и высокопоставленных дипломатов Мексики (включая министра иностранных дел Х.Р.де ла Фуэнте).

Г) «Негативное отношение к многополярности как варианту развития международной структуры И критический взгляд на Россию». В этом случае носители дискурса полагают многополярность искусственным конфликтогенным концептом, продвигаемым «авторитарными странами» в их эгоистических интересах, и Россия

считается одним из наиболее заметных таких игроков. Поле таких оценок узко, оно представлено отдельными политическими и экспертными группами. Например, бразильскими «олавитами» (последователями ультраконсервативного философа Олаву ди Карвальо, который поначалу имел большое влияние на правительство Ж.Болсонару), самим экс-президентом Уругвая Л.Лакалье Поу.

Д) «Иррелевантность темы многополярного мира И скорее критическое отношение к России как глобальной державе». Эта группа предполагает, что политические акторы в целом не формулируют свое отношение к международной обстановке, ее изменениям, в терминах многополярного мира, выстраивая восприятие глобальной системы через категории «мультилатерализма», противоречий «Запада и не-Запада», «авторитарных и «свободных» стран. Россия, хотя ее системный потенциал может признаваться, преподносится ими как сила, подрывающая приемлемый порядок. Здесь тоже находится относительно мало примеров, в частности, ключевые фигуры правой оппозиции в Боливии (Х.Кирога, С.Дориа Медина), представители ведущих правых партий в Уругвае («Колорадо» и «Национальной партии»). Учитывая общую тональность и содержание политических высказываний за отчетный период, команда аргентинского президента Х.Милея также могла бы быть причислена к этой группе. В апреле 2025 г. появился пример высказывания аргентинского главы о России как одном из мировых лидеров, «господствующем в Евразии». Учитывая пока что единичность такого примера и неформальную площадку его артикуляции (радио-интервью чилийскому блогеру), кажется преждевременным говорить об изменении в геополитическом воображении аргентинской стороны.

Коновалова К.А.

Многополярный мир как приоритет для России и Латинской Америки¹

У политиков и исследователей в Латинской Америке сложились свои оригинальные подходы к тому, как должен выглядеть многополярный мир XXI века. Для латиноамериканского видения характерен акцент не столько на мире сильных держав, готовых к взаимному геополитическому уравниванию, сколько на диалоге цивилизаций, сотрудничестве во имя разрешения глобальных проблем, многосторонности, универсальной значимости международного права. И в каждой стране - от Мексики до Уругвая - к этим принципам прибавляются специфические точки зрения национальных политических элит и лидеров, идеологов. Но даже с учетом всех этих особенностей, задача борьбы за формирование новой многополярной архитектуры может и должна объединять Латинскую Америку и Россию.

Во-первых, становление многополярности означает для нас обоим уход от прежней несправедливой структуры международного взаимодействия, которая игнорировала наши интересы и потребности развития. Постъялтинская система была построена на стратегическом поражении России в «холодной войне», а для Латинской Америки она олицетворяла господство узкого круга богатейших западных стран с США во главе, насаждение неолиберальных доктрин, которые подрывали национальные элиты и разрушали идею государства, ответственного за экономический прогресс и социальное благополучие.

Во-вторых, многополярный мир олицетворяет своеобразную «демократию» на международной арене, где каждая страна может сама избрать модель внутреннего развития и иметь свободу рук во внешней политике. Такой порядок вещей не приемлет навязывания одного стандарта политического устройства всем членам мирового сообщества и санкций за отступление от него. Принципы невмешательства во внутренние дела и недопустимости нажима иностранных держав на правительства в обход легитимных международных институтов заложены в дипломатической традиции латиноамериканцев еще с начала прошлого столетия. Сейчас, в условиях украинского кризиса, большинство лидеров и экспертов региона не поддерживают санкции, наложенные на Россию в обход Совета Безопасности ООН, тогда как Москва осуждает противоречащее международному праву эмбарго против Кубы, экономические рестрикции против Венесуэлы. Российская и

¹ Подготовлено в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 23-78-01030, <https://rscf.ru/project/23-78-01030> (проект «Латинская Америка и концепция многополярного мира: ключевые подходы, влияние на внешнюю политику государств и отношения с Россией»).

латиноамериканская позиции пересекаются в том, что санкции - это циничный инструмент, который создает проблемы для национального развития, а не для политиков, и порожден логикой евроатлантической гегемонии.

В-третьих, движение к многополярному миру создает и для Латинской Америки, и для России возможности избирать удобные для себя сценарии участия в экономической глобализации, управлять ее издержками. С одной стороны, многополярный мир может предполагать наличие нескольких автономных геоэкономических блоков со своими, не концентрирующимися только в странах Группы семи, хабами технологий, производственными цепочками, альтернативными валютами. Именно в таком ключе выстраиваются, например, позитивные ожидания Латинской Америки от расширения БРИКС. С другой стороны, многополярный мир может вести к совершенствованию деятельности международных институтов через придание им более представительного характера и беспристрастного характера, их освобождение от манипулятивной логики «порядка, основанного на правилах».

Выстраивая отношения с далеким континентом, для российских политиков и специалистов важно предметно раскрывать латиноамериканским коллегам пересечения, которые есть в наших взглядах на многополярный мир, и его достоинства. Говоря о конкретных путях к многополярности, целесообразно уделять особое внимание усилению БРИКС, разнообразным инициативам по дедолларизации и формированию независимых региональных систем безопасности и экономико-технологических блоков, росту влияния собственно латиноамериканских интеграционных группировок и солидарности России с этим процессом.